

ПАНЧЕНКО АНДРЕЙ

Работа над ошибками

Шанс

СОДЕРЖИТ
РЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Панченко

Шанс

*<https://litres.ru/74021616>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Шанс начать жить заново выпадает не каждому. Как не совершить тех поступков, из-за которых в прошлой жизни всё пошло наперекосяк? Надо провести работу над ошибками, попытаться всё исправить. Вот только будет это непросто, потому что колесо истории не желает сходить с накатанной колеи, и, чтобы что-то поменять, придётся постараться.

Содержание

Шанс	4
Глава 2	17
Глава 3	34
Глава 4	51
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Андрей Панченко

Шанс

Шанс

Глава 1

- Ты что творишь, гаденыш?! Кто разрешил?!

Накренившуюся стрелу я увидел случайно, когда тень накрыла меня, закрывая от осеннего солнца. Из-за работающего компрессора и стука отбойного молотка, работу крана слышно не было, поэтому я и увидел его только в последний момент, когда было уже поздно.

Двухтонная плита межэтажного перекрытия медленно падала вниз, набирая скорость, прямо на возившихся внизу рабочих. А за ней так же медленно, как в замедленном кино падал на бок и сам кран. Старенький МАЗ-500А, с голубой, помятой и проржавевшей кабиной уже стоял всего на двух боковых колесах левого борта, и из выцветшей будки крановщика выпрыгивал крановщик.

Мой возглас как раз предназначался ему, Витьке Сомову, крановщику ООО «Стройсистема», и моему подчиненному. Не должен был он эту плиту поднимать, да и вообще, за ры-

чаги садиться!

Над стройплощадкой загородного коттеджа в элитном поселке гулял сильный ветер, дождь размыл грунт, да и Витка был с сильного будуна. Когда мой Land Cruiser припарковался возле строительного вагончика, эта падла самостоятельно уже застропила плиту, совершенно не обращая внимание на то, что кран стоит без опор, и на склоне. Телескопическая стрела была вытянута до упора, так как стопка перекрытий лежала в нескольких десятках метрах от крана, да и линия электропередач мешала нормальной работе. Ближе Витька подъехать не смог, застрял.

- О! Здорова Сергеич! – Жизнерадостно улыбнулся крановщик, увидев, как я выхожу из машины – Ты чего сам то явился? Где это видано, чтобы начальство под дождем мокло?

- Бухой? – Без приветствий спросил я, внимательно разглядывая помятое лицо подчиненного.

- Да ты чё?! - Обиделся крановщик, промахиваясь уже второй раз крюком стропы мимо крепежной скобы на плите - Трезвый как стеклышко! Гадом буду!

- Будешь, обязательно будешь - Кивнул я головой, подходя к крановщику вплотную, и беря его за грудки потертой, мокрой рабочей робы – Я тебе, когда сказал плиты перекинуть? Позавчера. Два дня погода стояла, но ты решил забить, и побухать. Мужики сегодня должны были начать кладку межкомнатных перекрытий в уже закрытом контуре, а вместо

этого под дождем сейчас мокнут. И сроки я перенести уже не могу, и так из-за вас гондонов в притык идём! Ты уволен! Забирай свои шмотки, и проваливай, пока я тебе репу не разбил!

- Серый, да ты чё? - Заёрзал Витька - Ну подумаешь забухал? Чего тут такого? Из-за этого увольнять? Сейчас быстро всё перекидаю, пол часа и готово! Я же коришь твой, вместе чалились! Не по понятиям поступаешь!

- Понятия? - я даже рассмеялся, но смех получился злой.
- Ты мне про понятия будешь втирать? Мы с тобой где эти понятия изучали, Витя? В спецшколе, ты тоже помнится там побывал, за колючкой?

- Ну и что? - буркнул он. - Там тоже люди жили.

- Люди? - я дернул его ближе. - Помнишь спецшколу? Подъём в шесть, строем в столовую, баланду как собакам швыряют. Воспитатели как конвой. Слово поперёк сказал - в карцер. Три шага на четыре, бетон и параша в углу. Вот там нас и учили этим твоим понятиям.

- Да ладно тебе, - огрызнулся Витька. - Мы и там не пропали.

- Не пропали? - рявкнул я. - Половина пацанов оттуда сразу на малолетку уехала! Да и остальные не долго на свободе задержались, на зону загремели, потому что кроме злобы их там ничему не научили. И я туда попал, и ты, за вот эти самые «понятия».

Витька отвёл глаза, но всё равно буркнул:

- Ну так ты зону то со спецшколой и малолеткой не сравнивай. Там уже всё по-другому было.

- Зону вспомнил?! - я ткнул пальцем ему в грудь. - Барак, вонь портянок, шмон через день. Блатные новеньких на деньги разводят, шерсть полы драит, а по ночам половина лагеря мечтает хоть раз нормально выспаться, без света, не слушая храп, стоны и крики. Помнишь, как нас зимой по плацу гоняли? Минус тридцать, а ты стоишь в бушлате и думаешь, лишь бы не загнуться.

- Было... - тихо сказал он.

- А помнишь баланду? Серую жижу с двумя крупинками перловки? И как за пачку чая или сигарет люди друг другу глотки рвали? Вот это и есть твои понятия.

- Ну мы же выжили... - пробормотал Витька.

- Выжили, - прошипел я. - Только ты, походу, там и остался. А я - нет.

Я наклонился к нему почти вплотную.

- Я из той жизни вылез, понял? С мясом выдирался. Потому что обратно туда не хочу. Ни за пьянку, ни за твою ту-пость, ни за эти сраные понятия.

- Да я же просто... - начал он.

- Просто забухал! - перебил я. - И решил, что раз начальник свой, можно на хер всё послать. Так вот слушай внимательно: на зоне свои, а здесь работа. И если ты на кран бухой сел и людей угробишь - мне первому срок впаяют.

Я тряхнул его так, что у него зубы застучали.

- И знаешь, что, Витя? Я лучше тебя сейчас выкину отсюда, чем снова в бараке на нарах проснусь. Достали вы меня со своими понятиями падлы! То один мне мозг делает, то другой! Вас же никто на работу не берет, кроме меня, уродов расписных! И что я получаю вместо благодарности?! Я тебе гнида шанс дал, жить нормально начать, а ты мне решил нагадить?! И забудь мразь эту кличку собачью, я для тебя не Серый, а Сергей Сергеевич! Всосал?!

- Всосал... То есть понял Сергей Сергеич! – Подвывая ответил бывший вор рецидивист Витя – Я больше не буду, не подведу, честно!

- Конечно не подведёшь, - Прошипел я ему в лицо – Потому что ты у меня больше не работаешь! Пошел вон!

Оттолкнув от себя алкаша, я развернулся и пошел на стройплощадку, не слушая умоляющих криков бывшего зека. Он вроде кричал что-то про то, что всё исправит, чтобы я не переживал... Прощать я его не собирался, а потому на его вопли не обратил внимание. Как видимо зря, ибо этот сученок всё же попытался всё «исправить»...

Тогда, без настроения, злой, промокнув под дождем, шлепая по грязи дорогими кроссовками, я шел и у меня в голове почему-то проносились картинки моей непутевой жизни.

Родился я в шестьдесят седьмом году, и до девяти лет моя жизнь была как у нормального советского ребенка. Семья, мама с папой, садик, школа, дед ещё был жив. Счастливое детство. Было... Пока отец не начал пить. Нет, не просто

по выходным и праздникам, как обычные мужики, а каждый день, постепенно превращаясь из любящего, доброго и веселого отца, в злобное животное. С тех пор моя жизнь превратилась в ад.

Скандалы, дебоши, пьяные компании, дым сигарет, запах прокисшей еды и перегара стали обычными в нашей квартире. Отец бил и меня и мать. Постоянно, чаще всего без повода, вымещая на нас свои обиды. Лишили премии за пьянку – получи! Уволили за прогул – на тебе в рыло щенок, не разбудил меня вовремя! Разбил бутылку водки трясущимися руками – это я не вовремя поесть попросил!

Мать поначалу держалась, защищала меня, и была моей отдушиной в этом кошмаре, но и она скоро сдалась, а потом стало ещё хуже. По-женски пытаюсь вырвать отца, которого очень любила, из плохой компании, она для того чтобы удержать его дома, стала выпивать с ним. И тогда мой мир окончательно рухнул.

Дома было находится невозможно, да и чего там было делать? Два алкаша превратили нашу квартиру в помойку, где не было ни еды, ни одежды для ребенка, да и спать там было даже опасно. Множество раз меня будили ударом кулака или пинком под ребра среди ночи, чтобы я сходил за бутылкой к соседке, «родил» закуски (мне соседи никогда не отказывали, когда я просил у них еду, жалели ребенка), или просто так, от нечего делать. Я боялся спать, боялся всего, даже дышать громко, чтобы про меня не вспомнили. Зату-

маненные и деградировавшие от алкоголя мозги моих родителей напрочь вычеркнули ненужные для выживания родительские чувства. Причем, что удивительно, отца и мать я, тогда, как сейчас помню, любил, несмотря на побои и пьянки, а бабушку, со стороны матери – ненавидел.

Бабушка... она единственная пыталась сделать хоть что-то, чтобы спасти внука и свою дочь. Она пыталась забрать меня к себе, отдать в интернат, писала заявления в милицию, добивалась принудительного лечения для отца в ЛТП (лечебно-трудовой профилакторий). Она была жёсткой, сильной, несмотря на свою миниатюрную фигуру, но... ничего не смогла сделать, и в итоге опустила руки. Ну а как ей было не сдаться, если внук, за которого она боролась, считал её виновником чуть ли не всех бед своей семьи. Моего отца она посадила, и ни раз! Три срока батя в ЛТП отмотал, два раза по полгода, и один раз - полтора! ЛТП конечно не тюрьма, судимостью не считается, но понятия там примерно такие же. Бабка, тварь такая, на святое руку подняла! Я крыл её матом при встрече, бил стекла в её квартире, однажды даже дверь поджег... По «понятиям», мстил за отца. За что сейчас мне очень стыдно, прямо до слез. Хорошая она была, а я был... а я был маленьким моральным уродом. но таким меня сделали как раз родной отец с матерью, ненависть к которым во мне до сих пор кипела, несмотря на прожитые годы. Они сделали меня злым и жестоким, а вот эти самые «понятия», про которые мне талдычил сейчас Витька, мне с малолетства

на улице прививали.

Да, с одиннадцати лет я практически жил на улице, возвращаясь домой только когда меня ловили менты, или, когда отец отправлялся в очередной раз на лечение в ЛТП, С пьяной матерью я уже тогда мог справиться и трогать она меня боялась, а вот когда дома был отец, я старался не появляться в нашей квартире.

А что могла сделать со мной улица? Да ничего хорошего. Я был озлобленным на весь белый свет зверенышем, иначе и не скажешь, и быстро нашел себе компанию таких же отморожков. Сява, Кирпич, Слон, Щавель, Хомяк и я, Серый...

Мы быстро вошли во вкус бродячей жизни. Воровали на базаре и в магазинах еду, трясли всех, кто был слабее нас, отбирая деньги и одежду, начали курить и пить...

Вначале я как-то незаметно для себя оказался на учете в комиссии по делам несовершеннолетних, потом попал в спецшколу. Мне повезло, если это можно назвать везением, когда меня закрывали, мне было почти пятнадцать, и через пять месяцев меня оттуда выпустили. Каким-то чудом меня пронесло мимо спецПТУ, но условием моего освобождения было поступление в ПТУ обычное. Сидеть за забором не хотелось, и я сдал документы в строительное профтехучилище на профессию столяра. Причем на учете в КПДН я остался, и мне всё же пришлось учиться.

По сути два года, проведенные в ПТУ, были самыми счастливыми годами моей жизни в детстве и юности. Я вы-

писался из квартиры родителей и получил койку в общежитии, был свободен и меня никто не трогал. Вот только общаться со своими «друзьями», воровать, грабить и пить я не прекратил, за что и поплатился в итоге.

Первый свой взрослый срок я получил в восемьдесят пятом году, и сразу по полной программе, за разбой и убийство, хотя никого я и не убивал. Соучастник, мать его... Не хочу вспоминать. С тех пор на свободе я появлялся редко. Первый срок вообще, плавно превратился в три, без выхода за забор! К статье за убийство добавились статьи за дезорганизацию нормальной деятельности учреждения, а потом и за тяжкие телесные.

Молодой был, глупый, пер по этим самым «понятиям», как трактор по бездорожью. Все жизнь просрал. Ни семьи, ни детей – один. Когда умерла бабушка, и где похоронена, я не знаю, отец замерз пьяный зимой на улице в восемьдесят девятом, мать просто пропала бесследно... Тоже, наверное, умерла. Пока я сидел, родительскую квартиру забрало государство, приватизация тогда ещё не началась, а прописан я там не был. Тоже самое случилось и с квартирой бабушки. Гараж, доставшийся когда-то в наследство от деда, разграбили и снесли, построив на его месте супермаркет. Ничего у меня не осталось.

За ум я решил взяться после крайней отсидки, и благодаря Тане. Случилось так, познакомился по переписке с девушкой. Обычное дело за решеткой. Чтобы время скоротать

с ней затеял общение, а она всю жизнь мне поменяла. Она была уже не молодой, моложе меня всего на восемь лет, в разводе, но что-то зацепила меня в ней. Буквально, вся дурь из меня выветрилась в одночасье. Уже семь лет вместе, правда деток так у нас и не случилось, бог не дал...

Вышел я и понял, что обратно на зону не хочу, а хочу до конца дней рядом с рыжей девчонкой провести, которая меня из тюрьмы встретила, и встал вопрос как мне, всему такому «красивому» на жизнь заработать? На работу меня никто не брал. Куда бы я не обращался – мне отказывали, придумывая слабо правдоподобные отмазки, и делая вид, что это не из-за зоновских партаков, обильно укрощающих мои руки.

Я почти сдался, сидеть на шее у Тани я не мог, кусок купленный не на мои деньги, в горло не лез. Еще бы немного, и снова бы грабить пошел, но Танюшка надоумила попробовать ещё кое-что.

- Ты же столяр Серёжа? – Ласково спросила она меня, когда я, не стесняясь в выражениях, жаловался ей на жизнь и очередной отказ на собеседовании – Так почему бы тебе самому работать не попробовать? Объявление не дать? Начни с мелких работ, кому может нужно табуретку починить, или ещё чего? Какие ни какие, а деньги, пока нормальную работу ищешь. Попробуй, у тебя обязательно получится!

И у меня получилось! Купил инструмент, подал объявление на сайт, и заказы пошли. Вначале мелкие, потом уже се-

рьёзное. Вагонкой баню обшить, времянку сделать, кровлю перестелить... Через год у меня уже работала целая бригада плотников и столяров, а сейчас, спустя семь лет, я владелец и директор строительной фирмы, и мебельного цеха!

База своя есть, правда в аренде пока, кое какая техника, а главное, постоянные клиенты появились, и заказы я уже могу выбирать, а не браться за что попало! Фирма приносит стабильный доход. Участок земли вот недавно купил, дом следующим летом начну строить, для нас с Танюхой! Эх, раньше бы мне её встретить, сейчас бы и детишки были, и этот самый дом, и фирма бы уже работала без меня! Мечта каждого бизнесмена – наладить бизнес так, чтобы он не развалился, если его не держать под постоянным контролем! Моя мечта...

Чтобы этого достичь, я не ленился. Бывшему птушнику и зеку, пришлось изрядно потрудиться. Налоги, бухгалтерия, юридические тонкости работы с договорами – всё это для меня был темный лес, и мне пришлось учиться. Да и как дома строить, а не рубанком работать, я тоже постигал с нуля. Архитектурно-строительный факультет Московского государственного университета я закончил заочно в прошлом году и останавливаться не собирался, учиться мне неожиданно понравилось. То, от чего я так старательно отлынивал в подростковом возрасте и в молодости, сейчас доставляло мне удовольствие.

Бетонная плита и кран падали, Витька уже бежал так, что

сверкали пятки, а я, не задумываясь и на секунду, начал действовать. В голове гонгом билась только одна мысль – за это меня точно снова закроют, хоть я и не виноват, а значит надо успеть!

Кричать было бесполезно, два каменщика, что сейчас склонились над первым рядом кирпичной кладки, меня бы не услышали, а если бы и услышали, не успели бы сообразить, что делать. Я разогнался, и как тараном вlepил своим телом в спины мужиков, выталкивая их в дверной проем несущей стены. Крики, мат, парни кубарем катятся по временному настилу, установленному вместо лестницы, а я падаю грудью на грязную стяжку пола. Успел! Грохот сверху был такой, будто не плита упала - будто дом целиком решил лечь на бок. Воздух мгновенно забился цементной пылью, в горле зашипало, глаза резануло, и я на секунду ослеп. Что-то тяжёлое звякнуло рядом - то ли арматура, то ли крюк стропы ударил об металл. Где-то за стеной закричали, не матом - тонко, по-живому, как кричат, когда понимают, что чуть не умерли. Я попытался вдохнуть - получилось с трудом, как будто лёгкие забыли, как это делается. Сердце молотило в висках, и вместе с ним - другое: злость, липкая, знакомая. Та же самая, что поднималась в бараке перед замесом, когда понимал: сейчас решается, кто ты - тряпка или имеешь право штаны носить. Только здесь решалось не это. Здесь решалось - будут жить двое, которых я даже по имени толком не знаю. И в тот же миг, как назло, в голове вспыхнула Таня:

рыжая, в старом халате, с мокрыми после душа волосами, как она смеётся и ругается, когда я поздно прихожу. «Только не снова», - успел подумать я, и стало страшно не за себя - за неё. За наш недостроенный дом, за всё, что я так упрямо вытаскивал из грязи своей прошлой жизни. Я попробовал подняться на локти, но тело будто не моё - руки ватные, пальцы не слушаются. В уши ударил гул, ровный, как в трансформаторной будке, и мир поплыл, проваливаясь внутрь. И в этот момент резкая боль заполняет мой мозг, а потом... темнота.

Глава 2

Голова гудела и кружилась, даже сквозь закрытые веки, перед глазами плыли круги. Во рту, пустыня, ни капли слюны нет. Слух возвращался медленно, будто кто-то потихоньку добавлял громкость. А ещё меня кто-то тряс за волосы, да так, что они аж трещали.

- ... ублюдок!

- Чего? – Прохрипел я, не открывая глаза и пытаюсь дернуть головой, чтобы освободится от захвата.

Не получилось. Шевелюру мою сжали только сильнее, а в лицо прилетел удар. Потом ещё один, и ещё.

- Ты водку взял?! Где моя бутылка?! Убью паршивец!

Голос из ночного кошмара! Голос отца! Я открыл глаза и увидел знакомую до тошноты рожу. Перекошенное от злости, оплывшее от алкоголя лицо, искаженный в гримасе рот, полный гнилых, редких зубов, по подбородку течет слюна. Засаленная, порванная майка, такие же треники, пропахшие запахом мочи и с растянутыми коленями. Передо мной стоял покойный отец, собственной персоной! За его спиной, смотря на меня дикими глазами стоит мать, с копной невымытых, перепутанных волос и трясущимися руками роющаяся в моей старой сумке. В той самой сумке, что я когда-то отжал у терпилы из параллельной группы в ПТУ, с надписью «Олим-

пиада-80», на боку! Возвращается и обоняние. В нос бьет знакомый запах гнили, перегара и помойки. Я дома?!

- Водка! Где моя водка?! – Мне снова в лицо прилетает удар. Слабый, но скула уже саднит. – Отдай бутылку сука!

Отец заносит руку снова. Зря. Даже в страшном сне, что мне сейчас снится, терпеть его выходки я больше не намерен. Вся ненависть, что накопилась во мне за годы, вся злость за испорченное детство и загубленную жизнь, вырываются наружу. Я подаюсь вперед, и мой кулак врезается в вонючую пасть «папы». Во все стороны брызжет кровь, предок заваливается назад, а я уже на ногах. Я бью в полную силу, руками и ногами, с наслаждением наблюдая, как корчится на полу тварь, по недоразумению являющаяся моим отцом. Рядом, как будто это её убивают, орет мать.

- Ааа! Отдай! Мне отдай! - визжала она, хватая меня за плечи.

Я даже не сразу понял, кто это. Руки сами дернулись назад, и мать отлетела к стене, ударившись спиной о старый шкаф. Дверца шкафа распахнулась, оттуда посыпались какие-то тряпки.

Я стоял, тяжело дыша, с поднятыми кулаками, и только теперь начал оглядываться.

Комната. Маленькая, темная, с облупившейся штукатуркой. Стол у окна, заваленный грязной посудой. На подоконнике - банка с окурками. Старый прожжённый сигаретами диван, с продавленным матрасом. На полу газеты, пустые бу-

тылки и крошки хлеба, липкие пятна чего-то непонятного.

Все это я знал. До последней трещины на потолке. До пятна на стене, от взорвавшейся банки с томатным соком.

Я медленно повернул голову к окну. За стеклом - серый двор пятиэтажек. Детская площадка с перекошенной железной горкой. Белье, висящее на веревках. И ржавая «копейка» соседа дяди Вали у подъезда. Точно такая, какой она была...

Сорок с лишним лет назад.

Я опустил взгляд на свои руки. Они были не мои. Молодые. Тонкие. Без шрамов от бритвы на запястьях. Без татуировок. Ни одной «партачки» на пальцах. Ни паутины на локте. Ни куполов. Ни букв. Чистая кожа.

Я резко подошел к зеркалу над сломанным комодом. Маленькое, мутное, с отколотым углом. Из него на меня смотрел пацан. Худой. С растрепанными волосами. С синяком под глазом. Мне было... Семнадцать.

Голова загудела. 1985 год. ПТУ. Впереди – моя первая ходка, двадцати лет зоны. Снова!

Я оперся руками о комод и хрипло рассмеялся.

- Ну конечно... - пробормотал я. - Прилетело всё-таки по башке...

Сон. Точно сон или бред тяжелобольного. Мозг просто вспоминает старое дерьмо. Но тогда... Почему так сильно воняет перегаром? Почему болит место удара? Почему отец на полу скулит, прикрывая разбитый рот рукой?

Я медленно повернулся. Он смотрел на меня снизу-вверх

- испуганно. Так он на меня никогда не смотрел. Никогда.

- Ты... - прохрипел он, сплевывая кровь. - Ты чё... совсем охренел...

Я шагнул к нему. Он инстинктивно отшатнулся, закрыв лицо руками. И в этот момент у меня внутри что-то щёлкнуло. Я понял. Это не сон. Я вернулся. Назад. Туда, где всё только начиналось. Туда, где ещё можно было... Не угробить свою жизнь.

Как это получилось? Я умер... На меня упала бетонная плита, а сверху ещё и кран. Выжить после такого невозможно! Мой обезображенный труп валяется на грязной бетонной стяжке в недостроенном коттедже. И каким-то образом, меня выкинуло на сорок лет назад, в того идиота, кем я был в молодости.

Я медленно выдохнул.

- Число сегодня какое? - тихо сказал я, глядя на лежащего у стены отца. - Быстро отвечай блядь, пока снова по жбану не отхватил!

- Двадцать второе июня сегодня, суббота. - Прошепелявил предок разбитыми губами - Ты это, не злись, если пузырь взял, то и ладно. Я же понимаю, праздник, не каждый день ПТУ заканчиваешь. А у тебя там не осталось чего? Нам бы подлечиться, хоть немного...

Он осекся, заметив мой взгляд, и снова втянул голову в плечи. В комнате стало тихо. Только где-то за окном хлопнула подъездная дверь и кто-то на улице громко крикнул:

- Серый! Выходи!

Я закрыл глаза на секунду. Савелий Пономарь, он же Сява, он же Сява... Его голос. А где-то неподалеку наверняка шакалят Кирпич, Слон, Щавель и Хомяк. Вся та компания, с которой я пошёл по наклонной. И половиной которой сгнила на зоне. Впрочем, тем, кто туда попал, можно сказать даже повезло. Потому что остальные этот год не переживут. Хомяка найдут через месяц с перерезанным горлом, Щавеля утонувшим в реке, а Кирпич вообще исчезнет бесследно. И всё из-за сегодняшнего дня. Сегодня мы идем на дело.

Наводку нам дал Сява, он же и предложил мне и Кирпичу, казалось бы, легкое дело, сулившее хороший куш. Ограбить старого ювелира Хасана Гусейнова.

Его мастерская числилась при городской комиссионке, но официально туда было не попасть. Даже по живой очереди, даже по записи. Старик принимал заказы только через знакомых или по блату. Работал полуофициально, и всегда нуждался в ломе драгметала.

Мы все его знали, как и он нас. Мелкую ювелирку, которая к нам иногда попадала, мы сбывали как раз ему. Колечки, серьги, цепочки, ничего серьёзного. Вопросов он не задавал, денег давал по-божески, а эти самые украшения быстро переплавлялись на новые изделия, не оставляя за собой хвостов. Все были довольны, все имели своё и проблем не было, пока Сява, который отнес старику сдернутое с пальца пьяного рабочего золотое, обручальное кольцо, не заметил у

ювелира в столе пачку червонцев. Две с половиной тысячи рублей! Огромные деньги для нас.

На дело тогда пошли мы вдвоем, я и Сява, Кирпич стоял на стреме, остальные ждали нас в подворотне. Вооружившись кухонным ножом и обмотав лица тряпками, мы вломились в комиссионку перед самым закрытием, когда старик остался там один. Дебилы...

Хасан узнал нас сразу, несмотря на маскировку, и добровольно деньги отдавать не спешил. Нож в руках Сявы его не испугал и не впечатлил.

- Сава, собака! - старик даже не поднялся со стула. Только прищурился и посмотрел на нас поверх очков. - Думаешь, тряпку на морду намотал - и я тебя не узнаю?

Сява дернулся, будто его плетью хлестнули.

- Заткнись, дед, - процедил он. - Деньги и рыжѐ на стол!

Старик медленно снял очки, аккуратно сложил их и положил рядом с весами. Голос у него даже не дрогнул.

- Совсем мозги пропил, значит... - тихо сказал он. - Я же тебя пацаном помню. Ты мне серьгу свою первую приносил, помнишь? Украл у матери.

Сява сжал нож крепче.

- Деньги. Сейчас.

- Деньги... - издевательски усмехнулся старик. - Ты понимаешь, куда влез? Думаешь, у меня тут просто мастерская? Думаешь, я один?

Он постучал костяшкой пальца по столу.

- Через меня половина города работает. Через меня проходят вещи таких людей, что тебя закопают и даже не вспомнят как звали.

Сява шагнул ближе, я видел, как нож дрожал в его руке. Впрочем, руки и у меня тогда дрожали, хотя в мой адрес старик и слова не произнес.

- Пугать меня решил? Деньги гони!

- Не пугать. Предупреждаю, - спокойно ответил старик. - Завтра я скажу, что на меня наехали два щенка. И знаешь, что будет?

Он посмотрел прямо Сяве в глаза.

- Тебя будут искать. Не милиция. Другие люди. И когда найдут... ты сам попросишь, чтобы тебя милиции отдали.

В мастерской стало тихо. Только часы на стене тикали. Сява молчал секунду. Потом ещё.

- Отдай деньги, дед, - сказал он уже глухо. - И забудь, что нас видел.

Старик покачал головой.

- Уже не забуду, Сава.

Он вдруг наклонился вперед.

- Ты дурак. И друг твой дурак. И тот, что на улице стоит дурак. Все вы покойники. Резать вас будут!

Сява вздрогнул.

- Ты думаешь, я не знаю, кто с тобой? Всех знаю, и люди знают. Всех найдут.

Старик тихо усмехнулся.

- Бегите пока можете. Я вам даже фору дам. Час.

Пауза. Потом он добавил спокойно:

- Снимай тряпку с лица. Зачем как женщина голову покрыл? Хоть перед смертью человеком побудь.

Сява застыл. Я видел, как у него ходят желваки.

- Значит так... - прошептал он.

Старик уже отвернулся к столу.

- Поздно, Сава. Не буду я с тобой разговаривать, волки с шакалами не договариваются.

Нож вошёл почти без звука. Старик только коротко охнул, словно его толкнули. Он медленно посмотрел вниз на рукоять, торчащую из груди.

- Дурак... - выдохнул он. И осел на пол.

Пачку червонцев мы так и не нашли, забрали золото, шестьдесят пять рублей, кассетный магнитофон из комка и кожаную куртку. И пошли заливать алкоголем стресс. А уже ночью, пьяных в дупель, нас повязали менты. Как раз в подвале этого самого дома. Так и выжили, я, убийца ювелира Сява, и вообще не причастный к этим делам Слон, который поехал по этапу за компанию с нами. Ментам было пофиг, был он с нами во время убийства, или нет, вся наша компашка мгновенно была записана в подельники, а признательные показания тогда выбивать умели. Кирпича, Щавеля и Хомяка объявили в розыск, они успели свалит, кем-то предупрежденные, но видимо нашли их вовсе не менты...

Двадцать второе июня восемьдесят пятого года... На день

бы позже, и ничего было бы не изменить, а сегодня - ещё можно!

Я усмехнулся.

- Ну что ж... - сказал я тихо. - Похоже, у меня появился второй шанс. И, судя по всему, очень короткий. Времени мало.

Не обращая внимание на крики за окном, оглядев родной дом и родителей, потерявших человеческий облик, я принялся действовать.

Содержимое сумки с надписью: «Олимпиада 80», полетело на пол, туда же присоединилось и содержимое верхнего ящика комода, где обычно лежали документы нашей семьи.

Среди кучи вещей и бумаг я быстро отыскал свой паспорт, приписное, диплом об окончании училища, свидетельство о рождении и трудовую книжку, которую всем учащемуся ПТУ завели ещё на первом курсе. В сумку полетели бумаги и мои немногочисленные вещи. Спортивный костюм-олимпийка, кеды, трусы, носки, футболка. На полу блеснул кустарный перочинный нож, и через мгновение оказался в кармане моих брюк. Пригодится. Что ещё взять? Думай голова! Сюда, в эту квартиру, я вернусь ещё не скоро, если вообще вернусь.

Помятая пачка «Примы», ложка, вилка, алюминиевые кружка и миска, коробок спичек, зажигалка, вязанный отцовский свитер, тапочки, зубная щетка и начатая, смятая зубная паста, обмылок хозяйственного мыла завернутый в газету, банка кильки в томате, найденная на грязном столе,

вскоре тоже оказались внутри сумки.

Через пять минут я был готов, оставалось только попроситься с «родителями».

- Бабки есть? – Я снова подошел к отцу, который уже отполз к батарее и сейчас сидел на заднице, тупо пялясь на меня.

- Откуда? - прошамкал он и тут же зачем-то посмотрел на мать, будто она могла родить из воздуха рубли. - Вчера всё... того... кончилось.

Мать, всё ещё прижатая к шкафу, быстро закивала, не сводя глаз с сумки.

- Нету, Серёж... Чего ты орёшь-то... Мы бы дали, если бы было... Сам знаешь, у нас получка только во вторник. Я в жэке аванс взяла, так его за долг в магазине сразу списали. Тётка Зина не дала даже хлеба в долг, сказала, пока старое не вернёте - ничего не будет.

Я молча смотрел на них. И ведь всё именно так и было. Мать числилась уборщицей в жэке, мыла подъезды и лестничные клетки, таскала ведро с вонючей водой, зимой в тонком пальто ходила на работу затемно. Отец был грузчиком в гастрономе. Не потому, что любил работать, а потому, что где-то надо было числиться и туда иногда привозили гнилые овощи, просрочку и пустые бутылки, которые можно было спереть или выменять. Денег у них в доме не водилось вообще. Всё, что приходило, сразу утекало в водку. А когда не хватало - они шли по дворам с авоськой и собирали стекло-

тару. Или рылись по мусоркам.

Я присел перед отцом на корточки.

- Сколько?

Он моргнул.

- Чего сколько?

- Не тупи бля! Сколько сегодня насобирали? Бутылок. И сколько за них дали? Вино-водочный ещё не открылся, так что бабки у вас должны быть.

Он сглотнул и опять покосился на мать.

- Ну... три рубля восемьдесят... - выдавил он наконец. - И ещё двадцать копеек со вчера осталось.

- Где бабки?

- Какие? - моментально включил дурака он.

Я даже не замахнулся, просто посмотрел ему в лицо. Этого хватило. Он зажмурился и ткнул пальцем под диван.

- Там... в банке... Только ты не всё бери, Серый. Нам бы к вечеру хоть пузырёк... Ну сам понимаешь... Голова лопаётся...

Я встал, нагнулся, откинул край засаленного покрывала и почти сразу нащупал жестянку. Внутри звякнула мелочь и хрустнула пара купюр. Я высыпал всё на стол. Три рубля бу-мажками, остальное - монетами. Негусто. Всего двадцать пустых бутылок из-под пива, или шестнадцать бутылок из-под молока или кефира. Но скорее всего всё в разной. Плохо сегодня потрудились стахановцы-собиратели, но хоть что-то.

Мать оживилась и шагнула ко мне.

- Серёж, ты не забирай всё... Ну оставь хоть рублик. Нам же совсем нечего. Мы с утра даже не ели. Я на работу не пошла, у меня ноги ватные. А отцу к обеду в магазин, ящики разгружать. Он же не дойдёт.

- А ты дойдёшь? - спросил я, не глядя на неё.

Она осеклась.

- Чего?

- Я спрашиваю: ты до жэка дойдёшь? Подъезды мыть? Или опять скажешь, что температура, и будешь весь день тут пьяная валяться, пока соседка тётя Люба за тебя полы трет?

Мать моргнула, потом лицо у неё пошло пятнами.

- Ты с матерью-то как разговариваешь...

- А как с тобой разговаривать? - я резко повернулся к ней.

- Как с матерью? Так ты себя сначала матерью покажи. Я с утра глаза открыл - отец мне в рожу лезет, ты в сумке моей шарить. Это у вас семейный подряд такой, родного сына кошмарить?

Она сразу скукожилась, запахла на груди линялый халат и запричитала уже тише:

- Да я ж думала, ты водку спрятал... Вчера вечером вроде на столе стояла. Ну чего ты... У нас трубы горят... Сам знаешь...

- Знаю, - отрезал я. - Всё я знаю.

Отец, держась за батарею, осторожно поднялся и сел поудобнее. Говорить он начал уже совсем другим тоном. Не злым. Заискивающим.

- Серый... Ты это... если на дело собрался... может, принесёшь чего? Хоть червонец. Не себе прошу. Домой. Мы ж родители всё-таки. Мать вон на тряпках в жэке горбатится, я ящики таскаю как ишак. А толку? Копейки. Государство давит, начальство давит, жить не на что... Ты парень взрослый уже. Помог бы.

Я чуть не рассмеялся. Вот оно. Родительское напутствие. Не «не связывайся», не «береги себя», не «ты куда собрался». Принеси денег. Хоть укради, хоть ограбь, хоть голову кому проломи - только принеси.

- Помог бы? - переспросил я. - А вы мне, когда помогли? Отец отвёл взгляд.

- Началось... Сейчас опять старое поднимешь...

- А что, не поднимать? - я шагнул к нему. - Напомнить, как ты меня табуреткой в двенадцать лет по спине приложил за то, что я две пустые бутылки не донёс? Или как мать мои ботинки поменяла на водку у соседа? А это был январь вообще-то, я потом до апреля в драных кедах в мороз по снегу ходи! Или как вы мою стипендию тянули до копейки, а потом рассказывали, что «на еду пошло»?

- Не ври! - вскинулась мать, но как-то неуверенно. - На еду тоже шло!

- Ага. На жидкую.

В комнате стало тихо. За окном снова орали пацаны. Уже злее.

- Серый! Ты оглох, что ли?!

Я подошёл к окну, чуть отодвинул грязную занавеску и увидел их. Сява, Кирпич и Хомяк торчали у подъезда. Молодые. Весёлые. Живые. Пока ещё живые. Смотрели вверх, шурились на солнце, пинали камушек, матерились. Не знали, что для них всех этот день должен был стать билетом в один конец.

Я отпустил занавеску и снова повернулся к родителям. Мать первой нарушила молчание. Голос у неё стал жалобный, почти детский.

- Серёж... Ты только не пропадай надолго. А то опять ночь придёт, а тебя нет, я ж с ума сойду...

- Ты? - спросил я спокойно. - С ума? Из-за меня? Не смеши. Ты не мать, ты лярва подзаборная, и переживаешь ты только о том, как бы накатить. Не меня тебе похер.

Она вдруг села на край дивана и закрыла лицо ладонями.

- А что мне делать? - забормотала она. - У меня жизнь такая... Думаешь, я хотела? Думаешь, я мечтала по подъездам с ведром бегать? Или бутылки с твоим отцом собирать? Я тоже человеком была. Нормальным. Платье у меня было крепдешинное. И туфли белые. Меня на танцы звали. А потом всё... закрутилось... работа, ты, он... Деньги эти копеечные... Я не заметила, как всё провалилось...

Я слушал и ничего не чувствовал. Ни жалости, ни злости. Будто кто-то выжег внутри всё, что могло на такое откликнуться.

Отец шмыгнул разбитым носом.

- Не слушай её. Баба она. Разнылась. Ты лучше скажи - уходишь, что ли?

- Ухожу.

- Надолго?

- Не знаю.

Он почесал грязную шею и осторожно спросил:

- А если... если денжат срубить, то... занесёшь? Можно не деньги, можно пузырь, хотя бы червивку, ну и одеколон с синенькой пойдут.

Я посмотрел на него долго. Очень долго. И вдруг понял, что вот сейчас решается кое-что важное. Не про деньги. Не про них даже. Про меня.

Если я сейчас хлопну дверь, пошлю их к чёрту и исчезну - всё будет честно. И правильно. Они это заслужили. Но потом, через много лет, я всё равно буду помнить этот день. И эту комнату. И эту вонь. И то, какими жалкими они были. Я вытащил из жестянки рубль и мелочь и бросил их на стол. Мать мгновенно вскинулась.

- Мне?

- Вам обоим. На хлеб. Не на водку, - сказал я. - Хотя кого я обманываю...

Отец дёрнулся за монетами, но я опередил его взглядом.

- Слушай сюда внимательно. Сегодня вы из дома не выходите. Ни за бутылками, ни в магазин, никуда. Сидите тут тихо. Если кто-то будет спрашивать - меня с утра не видели. Ночевал дома, утром ушёл. Куда - не знаете. С кем - не зна-

ете. Поняли?

Отец сразу насторожился.

- Это чего, тебя искать будут?

- Возможно.

- Менты? - быстро спросила мать, и в глазах у неё мелькнул не страх за меня, а обычный животный ужас перед милицией и соседями.

Они оба не удивились, но испугались. Не за меня, за себя. Вопросов «за что», «что ты натворил» не последовало. Впрочем, я и не ожидал заботы.

- Может, менты. Может, не менты. Вам разницы никакой. И запомните оба. Если я всё сделаю правильно, то, может быть, у меня жизнь будет другой. И у вас заодно.

Отец криво усмехнулся разбитыми губами.

- Эка загнул. Прямо как по телевизору.

- Да нет, - ответил я. - По телевизору врут красивее.

Я шагнул к двери.

- Серый! - окликнула мать. Даже она меня этой собачей кличкой называет, мать... твою за ногу.

Я обернулся. Она смотрела на меня странно. Не как обычно. Без злости, без жадности, без этой вечной мутной похмельной пелены.

- Ты это... поешь хоть чего-нибудь, а? На голодный желудок нельзя.

Я перевёл взгляд на грязный стол, на банку кильки, на задохший хлебный огрызок, на её дрожащие руки. И вдруг по-

нял, что вот это - единственное, чем она вообще умела любить. Криво. Жалко. Через грязь, алкоголь и страх. Но как умела.

- Обойдусь, - сказал я.

Открыл дверь и уже вышел в коридор, когда услышал за спиной голос отца:

- Серый...

Я остановился.

- Ты это... если что... сразу колись, а то искалечат, почки отобьют, а подпишешь всё равно. В тюрьме то оно жить можно, если здоровый...

Я медленно повернул голову. Он сидел у батареи, прижимая к губам грязное полотенце, и смотрел на меня снизу-вверх. И я не сразу понял, что в его голосе не бравада. И не ум. А опыт. Его собственный, пропитый, гнилой, но всё же опыт дворовой твари, которая знала: иногда тюрьма не самое плохое, что может случиться.

- Нет бая, - тихо сказал я. - В тюрьму я не сяду, не в этот раз.

И вышел на лестничную площадку.

Глава 3

На улице был солнечный, жаркий день. Солнце висело уже высоко, приближаясь к полудню. Я сразу пожалел, что не оделся полегче, на лице мгновенно выступила испарина.

- О! Серый! Ты чего там, дрочил что ли, чего так долго?

Мои надежды на то, что ждавшие меня на улице «друзья» потеряют терпение и уйдут по своим делам, не оправдались. Почти вся «гоп-компания» сидела на покосившейся лавочке. Сява щёлкал семечки, смачно сплевывая шелуху себе под ноги, Кирпич курил, а Хомяк зыркал по сторонам пристальным взглядом, в поисках жертвы. Двор как будто вымер, хотя сейчас и были летние каникулы. Щеглы, проживающие в нашем и соседнем доме, тоже имели обостренное чувство самосохранения, и старались не показываться нам на глаза, во избежание неприятностей. Пасут из окон, ждут пока мы свалим.

- Ты чё со шмотками? – Хомяк тут же заметил сумку, оттягивающую мне плечо.

- А у него дома даже ссанные трусы нельзя оставить без присмотра, враз на синьку поменяют – Хохотнул Кирпич, туша окурочок о спинку лавки – Предки у него те ещё затейники.

Я ничего не ответил, молча поставил сумку у лавки и сел рядом с ними. Доски подо мной скрипнули. Солнце би-

ло прямо в глаза, двор стоял тихий, только где-то за домом брякнула пустая бутылка. Сейчас я испытывал ощущение дежавю. Этот день, таким каким он должен быть, я помнил буквально по минутам. Пережитый стресс отпечатал его в моем мозгу как клеймо, выжженное раскаленным железом.

Сейчас мы пойдем пить пиво, Щавель и Слон уже ждут нас в парке, за танцплощадкой, с бидоном теплого пойла. В парке мы будем до вечера, вылавливая зазевавшихся подростков и тряся с них деньги. Никто из пойманных терпил не уйдет просто так, не получив пары ударов в грудь, живот или пинка под жопу. Для развлечения мы будем издеваться над ними, наслаждаясь своей властью и безнаказанностью. Будем унижать, доводить до слез слабохарактерных пацанов, на несколько лет младше нас. Один, даже будет просить прощения на коленях, за то, что назовет нас «мужиками» и умолять его отпустить. Вот за это «отпустить» как раз и зацепится Слон, сделав вид, что услышал слово «опустить». Мучения жертвы начнутся по новой. Пацана мы отпустим только вечером, когда нужно будет идти на дело...

Меня аж передернуло от отвращения, к самому себе и сидящим рядом отморозкам. Какими же мы тварями были... Да почему были-то? Вот мы, сидим, эти самые твари, почти в полном составе. И всё, что мы получили от жизни, мы честно заслужили сами. Мне не жаль никого из здесь сидящих, даже себя. И тем ни менее, я всё же предпринял попытку отговорить «друзей» от ошибки, которая поменяет всю их жизнь.

Я посмотрел на них и спокойно сказал:

- Пацаны... тему с ювелиром надо закрыть.

Кирпич даже не сразу понял.

- Чё?

- Я говорю - не надо туда лезть.

Сява перестал щёлкать семечки и прищурился.

- Слышь... - протянул он. - Ты вчера сам эту тему качал.

- Вчера я башкой не подумал, бухой был, а теперь трезвый

- спокойно ответил я.

Хомяк усмехнулся.

- Серый, ты чё, заднюю включил?

Я посмотрел на него спокойно.

- Хомяк... ты меня сколько знаешь?

Он пожал плечами.

- Да лет пять уже.

- И когда я заднюю давал?

Хомяк промолчал. Я кивнул на асфальт.

- Вот именно.

Кирпич хмыкнул.

- Ну так чё тогда? Старый ювелир, касса полная, чё он нам сделает? Тема ровная.

Я медленно покачал головой.

- Для вас может и ровная. А по факту - гнилая.

Сява усмехнулся.

- Обоснуй.

- Ты думаешь он просто дед?

- А кто?

Я посмотрел на них по очереди.

- Он барыга. Старый барыга. А такие в одиночку не живут.

Он под серьезными людьми двигается.

Сява щёлкнул семечку.

- Да ну?

- Да. У таких всегда крыша есть. Или менты, или бродяги.

А может и те, и другие с него живут.

Хомяк нахмурился.

- И чё?

Я криво усмехнулся, сплюнув вязкую слюну на асфальт:

- Да ни чё хорошего. Для нас. Мы влезает к нему. Вяжем старика. Берём деньги и золото, а дальше эта самая крыша узнает, что кто-то их барыгу хлопнул.

Во дворе стало тихо. Я ткнул пальцем в землю.

- И они начинают искать.

Сява усмехнулся.

- Да кто нас искать будет? Кому мы нужны?

Я посмотрел на него холодно.

- Ты вообще понимаешь, как это работает?

Он ничего не ответил.

- Старик этот не из воздуха золото берёт. Ему его несут.

Не только такие же как мы - басота. Там люди покруче. Он скупкой занимается, и давно, а значит его люди знают, значит он отстёгивает кому надо. На общак, смотрящему, ментам тоже наверняка, иначе давно бы закрыли. И деньги те,

которые ты видел, наверняка не его, и рыжики тоже чьи-то.

Я кивнул на Кирпича.

- И вот представь. Его крыша узнает, что барыгу хлопнули.

Кирпич перестал улыбаться.

- Ну.

- И начинается вопрос - кто? - Я пожал плечами. - А район маленький. Все всех знают.

Хомяк тихо сказал:

- Думаешь выйдут на нас?

Я усмехнулся.

- Хомяк... выйдут даже если вы в соседний город свалите.

Сява махнул рукой.

- Да гонишь ты.

Я наклонился вперёд.

- Нет. Я вам сейчас одну простую вещь скажу. - Они молча смотрели на меня. - Менты - это фигня. С ними можно договориться, отмазаться, отсидеть.

Я посмотрел на Сяву.

- А вот братва - это другое кино.

Он усмехнулся.

- И чё они сделают?

Я спокойно ответил:

- Сначала найдут. - Секунда тишины. - Потом поговорят. -

Я посмотрел каждому в глаза. - А потом закопают. И тех, кто на дело ходил, и остальных за компанию. Никто разбираться

не будет, кто при делах, а кто нет. Все знают, что мы вместе двигаемся.

Кирпич криво усмехнулся.

- Короче всё понятно. - Он запалил новую папиросу - Серый просто зассал.

Я не стал бурно реагировать на эту предьяву, как сделал бы раньше, услышав такие слова. Зачем что-то доказывать мертвецу? Я просто спокойно посмотрел на него.

- Хрюкало своё завали Кирпич, и фильтруй базар. Я вас предупредил, а дальше думайте сами. Что касается меня, то я в этом не участвую. Да и вообще, надо нам разбежаться уже, иначе ничем хорошим это лето не закончится. С этого дня я сам по себе.

Слова мои повисли в жарком, неподвижном воздухе двора. Несколько секунд никто ничего не говорил. Потом Кирпич коротко хмыкнул.

- Слышали? - сказал он, выпуская дым. - Серый, оказывается, теперь правильный.

Сява перестал щёлкать семечки. Медленно поднял голову и посмотрел на меня узкими глазами.

- Ты чё сейчас сказал? - тихо спросил он.

- Ну ты же не глухой вроде, - спокойно ответил я. - Я с вами больше не двигаюсь.

Хомяк медленно поднялся с лавки. Доски под ним жалобно скрипнули. Он был выше меня на полголовы и тяжелее килограммов на двадцать. Когда Хомяк вставал вот так близ-

ко - обычно это означало, что сейчас кому-то прилетит. Он подошёл почти вплотную.

- Ты, Серый... - проговорил он негромко. - ты чё, рамсы попутал?

Я тоже встал и смотрел на него спокойно.

- Нет. Наоборот. Наконец разобрался.

Кирпич заржал.

- Слышал, Сява? Наш Серый прозрел. Решил завязать.

Сява прищурился, он тоже уже был на ногах.

- Слышь... ты совсем ох...ел?

Кирпич уже обходил меня сбоку.

- Походу да.

Во дворе стало совсем тихо. Даже ветер стих. Я видел, как Хомяк чуть присел на ноги. Сейчас ударит. Такое я уже наблюдал много раз, только был можно сказать по ту сторону баррикад. Стая шакалов окружила жертву, готовясь расправиться с предателем. Я медленно сунул руку в карман. Сява заметил это движение.

- Э, э... - сказал он. - Ты чё там шарить?

Я вытащил нож. Обычный складной. Старый, с потёртой ручкой. Щёлк. Лезвие стало на фиксатор. Звук в тишине двора прозвучал громче выстрела. Кирпич мгновенно остановился. Хомяк тоже. Сява несколько секунд смотрел на нож, потом перевёл взгляд на меня.

- Ты совсем звезданулся? - тихо сказал он.

Я спокойно покрутил нож в пальцах.

- Нет. Я как раз-таки с головой дружу.

- Ты на нас нож достал?

- А что ты думаешь, я буду ждать пока вы толпой по мне протопчитесь? Не путай меня с теми лохами, которых ты каждый день трясешь.

Хомяк усмехнулся, но в глазах у него веселья не было.

- Думаешь, нож спасёт?

Я пожал плечами.

- Не знаю. Проверим?

Кирпич пробормотал:

- Сява... он походу реально с катушек съехал.

Сява шагнул вперёд. Медленно. Я чуть поднял нож. Лезвие блеснуло на солнце. Мы стояли в шаге друг от друга.

- Серый, - сказал он тихо, - ты сейчас очень большую ошибку делаешь.

- Уже сделал, - ответил я. - Когда с вами связался.

Хомяк зло сплюнул.

- Слышь, ты...

Я резко качнул корпусом вперед. Совсем чуть-чуть. Но нож оказался уже в нескольких сантиметрах от паха моего противника. Хомяк отшатнулся.

- Чё замолчал? Подходи, - спокойно сказал я. - Только потом не ной, что сидя срать придется.

Во дворе опять повисла тишина. Я видел, как Сява быстро соображает. Трое против одного - вроде бы расклад понятный. Но нож в руке у человека, который не боится его

пустить в ход, сильно меняет арифметику. Наконец Сява усмехнулся.

- Ладно...

Он поднял руки.

- Успокойся, псих.

Кирпич выдохнул.

- Вот это Серый даёт...

Хомяк ещё секунду стоял, потом отступил на шаг.

- Живи тогда сам по себе, сука.

Я ничего не ответил. Сява кивнул в сторону выхода со двора.

- Пошли.

Они медленно пошли к арке. У самого выхода Сява обернулся. Глаза у него уже были холодные.

- Только запомни, Серый. - Он показал на нож. - За такое отвечают.

Хомяк добавил глухо:

- Ещё встретимся.

Кирпич хмыкнул.

- И тогда без ножа поговорим.

Они вышли из двора. Шаги постепенно затихли. Я ещё несколько секунд стоял, не двигаясь. Потом медленно сложил нож. Щёлк. Лезвие спряталось в рукоять. Только теперь до меня дошло, что ладонь мокрая. Не от жары - от напряжения. Нож чуть не выскользнул из пальцев. Я вытер руку о штаны и сунул его обратно в карман.

Сердце билось глухо и тяжело. Ещё пару секунд я стоял, вслушиваясь в тишину, будто ожидал, что эта троица сейчас вернётся. Но во дворе было пусто. Они ушли. На этот раз ушли.

Я медленно сел обратно на лавку. Солнце всё так же било прямо в лицо, и от нагретого асфальта тянуло жаром. День продолжался. Я провёл ладонью по лицу.

- Твою мать...

В голове всплыло лицо старика. Хасан Гусейнов. Маленькая мастерская при комиссии, старые очки, аккуратные руки ювелира. Он всегда говорил спокойно, даже когда принимал у нас явно ворованные цепочки.

«Молодые люди, аккуратнее с такими вещами. Это чья-то память.»

Мы тогда только ржали.

Я посмотрел на арку, через которую ушли Сява, Кирпич и Хомяк. Они всё равно пойдут. Может не сегодня. Может не вечером. Но пойдут. Сява уже слишком разогнался на этой теме. Он видел деньги. А такие, как он, когда видят лёгкие деньги - тормозов не знают.

Я тяжело вздохнул. Может... предупредить старика? Мысль была простая. Подойти. Сказать: «Слушай, дед, к тебе сегодня могут прийти гости». И всё.

Я даже представил, как это будет. Старик поднимет глаза из-под своих очков. Посмотрит внимательно. И спросит:

- А откуда вы знаете, молодой человек?

Я хмыкнул. Да... хороший вопрос. Откуда? Откуда я знаю, что его сегодня будут грабить? Откуда я знаю, кто именно? Откуда я знаю время?

Я медленно покачал головой. Нет... так только хуже будет. Во-первых, старик может просто не поверить. Во-вторых, если он испугается и начнёт суетиться - позвонит кому-нибудь, пожалуется... Тогда парней встретит в магазине не старик, а те, кто Сявеного ножа не испугается, те, кто привыкли решать с такими как он вопросы радикально. И хорошо если это будут менты... А если нет, тогда всё будет ещё хуже, чем в прошлый раз, тогда никого тюрьма не спасет.

Предупредить старика, а потом как-то слить информацию Сяве, что их там ждут?

Район маленький. Тут всё узнают быстро. И первый вопрос будет простой.

Кто знал про дело? Я. Только я. Я усмехнулся. Отлично. Получается, я сам же себя и подставлю.

Сява не дурак. Он сразу сложит два плюс два. Серый соскочил... и сразу ювелир всё узнал. Совпадение? Да хрен там. Я снова посмотрел на арку. Эта тварь мстительная, я не уберегусь от нападения исподтишка. Придется ходить и крутить головой как летчик истребитель, или дома запереться с алкашами-родителями, или бежать из города. А из города я бежать не хочу, тут Танька ещё маленькая бегает, её я одну не оставлю, пусть она даже пока про меня и не знает. Мы обязательно снова будем вместе! Так что перо мне в бок они

по любому всадят.

Но была и другая сторона. Если я ничего не сделаю... Я хорошо помнил, чем всё закончится. В прошлой жизни нам тогда просто повезло. Нас взяли менты. Сначала следствие. Потом суд. Кто-то получил пять лет, кто-то семь. Сява - больше всех. Я тоже сел. И именно тюрьма тогда спасла нас от того, что должно было случиться. Потому что пока мы сидели, за старика всё равно спросили. Только спросили уже не с нас.

Я медленно выдохнул. А вот сейчас... Если они пойдут туда без меня - всё будет точно так же, ничего не поменяется. Сява главный герой этого спектакля, никто другой из моих бывших друзей ему и слово не скажет. Кто бы не пошел вместо меня, он будет таким же простым статистом.

Они ограбят старика, и убьют. И тогда в дело включатся те самые люди, про которых я им сейчас говорил. Найдут. Поговорят. И закопают. Всех. Может не сразу. Но обязательно. И меня тоже в покое не оставят.

Я невесело усмехнулся. Вот такая арифметика. В прошлой жизни меня спасла тюрьма. А сейчас...

Я снова поднялся с лавки и взял сумку. Солнце уже жгло по-настоящему.

Жаркий день только начинался. И где-то впереди уже шёл по своим рельсам тот самый сценарий, который когда-то сломал мне всю жизнь. Только теперь всё могло закончиться гораздо быстрее. И гораздо хуже. И сейчас мне нужно выиграть

время, чтобы пересидеть всю эту заварушку и всё хорошенько обдумать. Придумать план, как мне выжить и поменять свою жизнь.

Я ещё немного постоял посреди двора, потом закинул сумку на плечо и медленно пошёл к выходу из арки. Жара уже давила по-настоящему. Асфальт нагрелся так, что от него тянуло сухим, пыльным теплом. Где-то на балконе хлопнула простыня, и сразу снова стало тихо.

Ноги сами понесли меня к старому кварталу. К бабушке. Странная мысль, но сейчас это казалось самым правильным. Если где и можно было немного отсидеться, и подумать, так это там. В прошлой жизни я почти перестал к ней ходить. Сначала реже, потом совсем пропал. А потом... потом уже было поздно.

Я остановился у знакомого подъезда. Старый, облупленный. Дверь перекошена, ручка шатается. Всё как тогда. Я толкнул её плечом и поднялся на второй этаж. Запах в подъезде стоял тот же самый - пыль, старые тряпки и кошки.

Я постучал. Сначала тихо. Потом громче. За дверью слышались осторожные шаги. Скрипнула половина.

- Кто?

Голос бабушки я узнал сразу. Тонкий, настороженный.

- Это я... баб.

Пауза. Долгая. Потом щёлкнула цепочка, и дверь приоткрылась на ладонь.

Она выглянула осторожно, будто ждала, что я сейчас во-

рвусь внутрь с кем-нибудь из своих дружков.

- Чего тебе? - спросила она сухо.

Я невольно задержал дыхание. В прошлой жизни я хорошо помнил этот взгляд. Испуганный. Недоверчивый. Она меня боялась. И, если честно, было за что.

- Я... просто зайти хотел, - сказал я тихо.

Она посмотрела на сумку у меня на плече. Потом снова на меня.

- Денег нет, - сказала она сразу. - И вещей никаких не дам.

Я криво усмехнулся.

- Да не за этим я.

- Все вы не за этим... - пробормотала она.

Дверь открылась чуть шире, но всё равно цепочка осталась на месте. Я стоял на пороге и вдруг понял, что не знаю, что сказать. Извиниться? За что именно? За последние годы? За то, что орал на неё? За то, что тащил из дома всё, что плохо лежало? За то, что пару раз приходил пьяный и ломился ночью? Слишком много всего.

- Баб... - начал я.

Она вздрогнула.

- Не называй меня так.

Слова ударили неожиданно больно. Она отвела взгляд.

- Чего пришёл?

Я тяжело вздохнул.

- Просто... поговорить хотел.

Она молчала несколько секунд. Потом тихо сказала:

- Серёжа... ты иди.

Я не сразу понял.

- Чего?

- Иди, - повторила она. - Пожалуйста.

Она даже не смотрела на меня.

- Я уже старая. Мне этих ваших историй не надо. И дружков своих сюда не води.

Я медленно кивнул.

- Понял.

Она осторожно закрыла дверь. Сначала щёлкнула цепочка. Потом замок. Я ещё пару секунд стоял на лестнице. Странно, но злости не было. Только тяжесть где-то внутри.

- Заслужил... - тихо сказал я сам себе.

Я сел на лестницу, прямо возле бабушкиной квартиры. Мыслей и идей в голове не было. Куда податься? Других родственников у меня нет, друзей тоже. Никто мне не может помочь. Мне бы хоть какую-то времянку на дачах, или хотя бы гараж, про который никто не знает, чтобы отсидеться первое время... Точно, гараж! Мысли оформились в моей голове сами собой, и немного напряженно поразмышляв, я снова решительно постучал в знакомую дверь.

- Чего тебе ещё? – Дверь тут же преоткрылась.

Бабушка как будто знала, что это снова я. Хотя почему как будто? Вон глазок на двери, она ждет пока я уйду, следит.

- Воды можно? - сказал я тихо. - Жарко.

Она смотрела на меня ещё несколько секунд. Потом бурк-

нула:

- Стой тут. Не вздумай заходить.

Я кивнул.

- Не буду.

Она ушла на кухню. Дверь осталась приоткрытой. Я стоял на пороге и слушал, как она шаркает по квартире. Звякнула посуда. Открылась вода.

Я осторожно просунул руку внутрь, и тут же нащупал то, что искал, справа от входа, на стене. На гвоздике висела связка ключей. Среди них - длинный, с потёртой бородкой. Дедов. От гаража.

Я помнил его ещё с детства. Дед всегда носил его отдельно, на толстом кольце. После его смерти бабушка гараж почти не трогала. Иногда только просила соседей открыть, если нужно было что-нибудь вытащить. А так он стоял закрытый, забитый старым инструментом и хламом.

Я прислушался. Вода всё ещё лилась. Связка тихо звякнула, когда я снял её с гвоздя. Сердце в этот момент ударило так, будто меня уже поймали. Я быстро нашёл нужный ключ. Снял его. Остальные вернул обратно. Повесил так же, как висели. Секунда. Две. Вода на кухне всё ещё шумела. Я сделал шаг назад и снова встал так, как будто никуда и не двигался. Через несколько секунд бабушка вернулась. Она протянула кружку.

- Держи.

Я взял её и сделал несколько жадных глотков. Вода была

холодная, из-под крана.

- Спасибо, - сказал я тихо. – И прости меня за всё. Это я и хотел тебе сказать.

Она внимательно смотрела на меня. Долго. Будто пыталась понять, что у меня в голове. Потом молча захлопнула дверь. Я немного постоял, борясь с чувством стыда за совершенный поступок, а потом медленно спустился по лестнице.

На улице солнце всё так же жарило с неба. Я вышел из подъезда и остановился на секунду. Теперь у меня был ключ от гаража. Там можно было пересидеть. Подумать. И самое главное - там меня никто искать не будет. Бабушка туда не ходит. Соседи тоже.

Я поправил сумку на плече и направился в сторону гаражного кооператива. Сейчас мне нужно было одно. Время. Хотя бы немного времени, чтобы придумать, как выбраться из всего этого дерьма.

Глава 4

Гаражный кооператив «Южный» находился на окраине города, рядом с прядильно-ниточной фабрикой, на которой когда-то трудился кузнецом мой дед. По заведенной в Советском союзе традиции, гаражи всегда строили кучно, в одном месте, обычно далеко от жилых домов. И никого не заботило, что для того чтобы ставить в гараж машину, тебе придется каждый день ездить туда и обратно на автобусе, через полгорода. Гараж не был предназначен для удобства автомобилистов, это было просто место хранения ненужного в квартире скарба, ремонтная мастерская, и отдушина для мужиков, которые шли туда пообщаться друг с другом, выпить и отдохнуть от задолбавшего семейного быта. У некоторых владельцев этих бетонных коробок и машины то никогда не было, просто они получили место для строительства гаража, встав в очередь за покупкой машины, да так её и не купили. Вот и мой дед, машины никогда не имел.

Нашей семье вообще не везло с этими самыми очередями на почти бесплатные нештяки, которые выдавали советским гражданам. Дед так и не стал водителем, не говоря уже про отца, да и дачи у нас не было. Хотя вру, видел я как-то среди документов у нас дома садовую книжку, по которой отец был членом садоводческого товарищества. Только и там всё было

через жопу, батя как всегда отличился.

Я шел по пыльной обочине дороги и вспоминал. Эту историю я знал до боли, буквально, потому что, когда отец её вспоминал, жалуясь на несправедливость собутыльникам, у него сразу портилось настроение, и мне как обычно прилетало.

Ещё до того, как батя стал пить запоями, он работал в торгпроме экспедитором. Это потом его спустили по служебной лестнице до грузчика, а тогда он не плохо зарабатывал, и даже подавал надежды на повышение. Тогда-то он и получил дачу, если её можно так назвать...

Как это обычно бывало, предприятие получило землю для строительства садово-огородного товарищества, построило туда подъездной путь, поставила трансформатор, протянув электричество от ближайшей электросети, воткнуло насос в рядом расположенную реку и начало распределять участки среди своих работников. Наделы были обычного размера – стандартные шесть соток. Всем поровну, всем одинаково. Битвы шли только за дачи, расположенные близко у реки, чтобы далеко не ходить купаться, а так в принципе никакого особого ажиотажа не было. Бери, выращивай, отдыхай на природе, пользуйся. Но отец и тут, на ровном месте обосрался.

Все участки были по шесть соток, кроме одного – который занимал сразу шестнадцать! И расположен он был у реки, почти на берегу, да и роща березовая рядом. Не место –

мечта! На карте, которую повесели в профкоме, выглядело оно вкусно, сочно, привлекательно. Для всех, кто в армии не служил, и карты читать не умел. Как мой хренов родственник. Батя сразу на этот кусок земли глаз положил, и подмазав начальника профкома бутылкой коньяка, участок записал на себя. Но вот попал он туда, только когда распределение земли уже закончилось, попал, и мягко сказать охренел. Почти всю территорию дачи занимал огромный овраг! Он было кинулся в профком обратно, чтобы поменять неудобья на нормальные шесть соток, но поезд уже ушёл, участки закончились.

Так и стал отец дачником, правда только на бумаге. Нет, он даже чего-то там пытался делать вроде поначалу, как-то освоить фазенду, расположенную на пересеченной местности, но потом бросил это гиблое дело. Эту несправедливость, а самое главное зря отданный армянский коньяк, он частенько потом припоминал. Себе, а чаще всего как обычно мне и матери, урод...

Незаметно для себя, роясь в памяти и вспоминая прошлое, я за час дотопал до точки назначения.

Кооператив «Южный» начинался сразу за фабричным забором. Дальше асфальт заканчивался, и шла только разбитая колея грунтовой дороги, по которой когда-то ездили грузовики. Теперь же дорогу медленно отвоёвывала трава. Между бетонными столбами, рядом с будкой сторожа висела кривая табличка с облупившейся краской - «ГСК Южный». Буквы

едва читались.

Я остановился у входа и огляделся. В сторожке никого не было. Ряды одинаковых серых коробок тянулись далеко вглубь, как какой-то бетонный лабиринт. Ворота почти у каждого гаража были железные, сваренные из уголка и листового металла. Где-то они были покрашены разномастной краской, где-то просто покрыты ржавчиной. Между рядами шли узкие проезды, заваленные песком, мусором и сухой травой.

Место выглядело заброшенным, но так только казалось. Где-то стучал молоток по железу – кто-то ремонтировал автомобиль или что-то мастерил, слышались голоса мужиков и звуки моторов. День сегодня выходной, а значит тут должно быть людно.

Я медленно пошёл по ряду, пытаясь вспомнить расположение дедовского гаража. Насколько я знал, он был почти в самом конце кооператива. Там, где начинался пустырь и дальше уже тянулись заросли бурьяна. Я помнил, что гараж деда был покрашен коричневой краской, а калитка сделана вроде из старого стального радиатора отопления. Ни номер гаража, ни даже номер ряда где он стоял, память не сохранила.

Гараж я нашел только через минуты сорок, пройдя кооператив едва ли не полностью, и то, едва не прошел мимо.

Ворота за прошедшие годы со смерти деда буквально утонули в зелени. Бурьян поднялся почти по грудь, а вдоль стен

и ворот выросли колючие кусты. По верхнему краю крыши тянулись высохшие плети какого-то дикого вьюна. Казалось, ещё немного - и природа окончательно проглотит эту бетонную коробку.

Калитку я сначала даже не заметил. Она почти полностью скрылась под травой. Я отогнул куст, нашёл ржавый замок и покрутил его в руках.

- Хоть бы открылся... - пробормотал я себе под нос.

Замок был старый, тяжёлый, советский, из тех, что можно было разве что кувалдой сломать. Ключ, который я стащил у бабки, вошёл в скважину с трудом. Пришлось несколько раз провернуть его туда-сюда, пока внутри не заскрежетали пружины.

Щёлк. Замок открылся неохотно, будто сам не верил, что его наконец потревожили. Я снял его и дёрнул калитку. Сначала она даже не шелохнулась. За годы петли заржавели и приросли к металлу. Я упёрся плечом и толкнул сильнее.

Металл жалобно заскрипел.

- Да открывайся ты... - прошипел я, навалившись всем весом.

Наконец калитка с противным визгом подалась и медленно отворилась, ломая стебли бурьяна. За ней открылся тёмный проём гаража.

Внутри пахло пылью, старым железом и сухим деревом. Запах был странно знакомый - запах детства. Когда дед ещё был жив, я иногда приходил сюда с ним. Он возился со свои-

ми железками, а мне разрешал крутить гайки на старом верстаке.

Я постоял на пороге, давая глазам привыкнуть к темноте. Гараж оказался почти таким же, каким я его помнил.

У стены стоял массивный верстак из толстых досок. Над ним висели самодельные полки, уставленные банками с болтами, гвоздями и какой-то мелочью. В углу виднелась старая наковальня - дед всё-таки был кузнецом и иногда что-то ковал прямо здесь. Под потолком тянулись провода, к которым была прикручена голая лампочка. А у дальней стены лежала куча всякого хлама - ящики, куски металла, какие-то доски. Прислонившись к воротам, прямо возле калитки, стоял покрытый пылью велосипед «Урал», со спущенными колесами и увешанный какими-то сумками.

Я медленно зашёл внутрь. Пыль поднялась облаком.

- Ну что, Серега... - тихо сказал я сам себе. - Посмотрим, что дед тут припрятал...

Я машинально поднял руку и дернул рубильник, который висел на стене рядом с входом. Честно говоря, я даже не надеялся. Щёлк. Лампочка под потолком моргнула, вспыхнула тусклым жёлтым светом... и загорелась. Я даже замер.

- Нихрена себе...

Свет был слабый, но вполне рабочий. Видимо, фабрика всё ещё кормила электричеством весь кооператив, а дед когда-то подключился по всем правилам. Или не по правилам - что в наших краях примерно одно и то же. Я усмехнулся.

- Спасибо, дед.

Теперь гараж выглядел совсем иначе. Пыльный, захла-
млённый, но вполне живой. Я прошёлся вдоль стен, разгляды-
вая содержимое.

На верстаке лежали инструменты. Старые, тяжёлые, на-
стоящие - не то китайское барахло, что продавали в моё вре-
мя. Кованые ключи, молотки, напильники, несколько стаме-
сок, рубанок. Даже ручная дрель с деревянной рукояткой.
Всё покрыто слоем пыли, но ржавчины почти не было. Дед
всегда следил за инструментом. Я взял в руки молоток, про-
верил баланс. Хороший. Правильный. Положил обратно.

Под верстаком стоял деревянный ящик. Внутри оказались
гвозди, шурупы, какие-то старые петли, обрезки проволоки.
Всё аккуратно разложено, рассортировано.

- Порядок у тебя был... - пробормотал я.

В углу, рядом с наковальней, в полу обнаружился люк. Де-
ревянная крышка с железной ручкой. Я потянул её вверх. Из
погреба сразу пахнуло холодом, сыростью и чем-то кислым.
Лестница вниз оказалась целой. Я осторожно спустился.

Погреб был небольшой, но глубокий, и на удивление су-
хой. Вдоль стен стояли полки с банками. Огурцы, помидоры,
варенье, какие-то компоты. Стекло потемнело от времени,
крышки местами проржавели. Я взял одну банку, покрутил
в руках. Самодельная этикетка давно облезла.

- Лучше не рисковать... - буркнул я.

В углу стоял ящик с картошкой. Вернее, когда-то это была

картошка. Теперь там лежала гнилая, расплзшаяся масса, из которой торчали белые длинные ростки. Запах стоял такой, что я быстро поднялся обратно наверх и закрыл крышку погреба.

- Понятно... запасов нет.

Выбравшись наверх, я продолжил осмотр.

Велосипед оказался тем самым знаменитым дедовским «Уралом», на котором он катал меня когда-то в детстве. На обоих багажника, и на переднем, и на заднем, висели брезентовые сумки и баулы. Я заглянул внутрь.

В одной из сумок лежали оранжевые коробочки от индивидуальных аптечек АИ-2, много, штук десять, а в них блёсны, крючками, мормышки, и куча другой рыболовной мелочи. Там же валялись мотки лесок, самодельные кружки и поводочницы. В другой - старый складной подсачек и несколько катушек. Остальные сумки тоже были забиты рыболовными снастями и снаряжением, для организации походного лагеря, в основном изготовленные дедом самостоятельно. На заднем багажнике, притороченные с обеих сторон от колеса, разместились старая советская брезентовая палатка, спальный мешок, и чехол с чем-то оранжевым внутри. Что это такое, пока было не понятно, только маркировка ЛАС-3 намекала на то, что вещь явно сделана на заводе. На стене висели два спиннинга, пучок бамбуковых удочек и алюминиевые, складные весла. К раме велосипеда были прикручены кустарные крепежи, как раз для этих длинномерных вещей.

Я невольно улыбнулся. Дед на рыбалку ездил всегда на этом велосипеде. Иногда на несколько дней. Километров двадцать до реки - и обратно так же. И ничего, крутил педали до самой старости.

Я снял баул с палаткой и спальным мешком и кинул их на верстак.

- Это точно пригодится...

Потом оглядел гараж ещё раз. Старая одежда, развешанная на крючках из проволоки, стопки каких-то досок, железные профиля, трубы, грабли и лопаты, несколько рулонов рубероида, и ещё дофига чего, очень аккуратно были сложены по своим местам.

Места тут было достаточно. Если сделать небольшую перестановку, вполне можно устроить себе ночлег.

Я принялся за дело.

Оттащил кучу досок к стене, освободил место возле верстака. Кусок старого брезента и вытащенную из чехла палатку расстелил на полу. Сверху кинул спальный мешок, и сделал подушку из дедовского бушлата. Получилось что-то вроде лежанки. Не кровать, конечно... но после сегодняшнего дня мне и это казалось царскими условиями. Я сел на край импровизированной постели и вытер ладонью лицо.

Только теперь пришло осознание. Я остался один. Без денег. Без дома. Без поддержки друзей и родных. И даже без воды. Жажда уже начинала подступать. Во рту было сухо, язык прилипал к нёбу.

- Так... - пробормотал я.

Продукты. Вода. Вот две главные проблемы. Еду ещё можно было где-то раздобыть. Магазины в городе есть, рынки есть. Можно что-нибудь придумать. Но вода... Я поднял голову и посмотрел на пыльный потолок гаража. Водопровода тут, естественно, не было.

- Колонки... - пробормотал я.

Во дворах всегда стояли уличные колонки. Возле сторожки я тоже вроде колонку видел, недалеко от эстакады для ремонта машин. Там можно набрать воды бесплатно. Только вот идти туда придётся с канистрой. Я огляделся. Канистры в гараже вроде не было, или я её просто не нашел. Зато стояло старое алюминиевое ведро. Я взял его в руки, постучал по дну. Целое, и не сильно грязное.

- Ну вот... уже лучше.

Я снова сел на лежанку и задумался. План на ближайшее время был простой. Найти воду. Потом еду. А дальше... Дальше будем смотреть. Главное - сегодня у меня наконец появилось место, где можно спокойно переночевать.

Я взял ведро и вышел из гаража, аккуратно прикрыв калитку. Замок пока вешать не стал - всё равно сейчас вернусь.

В кооперативе стало чуть оживлённее. Где-то завёлся мотор, из одного гаража доносился звук ножовки по металлу, из другого - запах жареной картошки. Мужики жили своей обычной гаражной жизнью.

Колонка действительно стояла недалеко от въезда, возле

старой бетонной эстакады для ремонта машин. Труба с рычагом, облупившаяся краска, вокруг лужи и утоптанная грязь. Я только подошёл к ней, как со стороны сторожки раздалась ругань.

- Да чтоб тебя черти забодали, зараза такая!

Я повернул голову. Возле сторожки возился сухой, жилистый мужик лет шестидесяти. В поношенной ватной телогрейке, несмотря на июньскую жару, в выцветшей фуражке. Он с силой хлопал дверью будки, но она никак не закрывалась - всё время отскакивала обратно.

- Ну закройся ты, падла! - рывкнул он и снова хлопнул дверью.

Та ударилась о коробку и опять открылась. Я набрал пол ведра воды, поставил ведро на землю, чтобы оно немного откисло от грязи, а я его потом помыл, и подошёл ближе.

- Не идёт? - спросил я.

Мужик повернулся. Глаза прищуренные, лицо обветренное, щетина седая.

- Да хрен она идёт! - буркнул он. - Рассохлась, зараза. Третий день мучаюсь.

Он снова толкнул дверь. Та упёрлась в коробку и зависла криво. Я присмотрелся.

- Не рассохлась, - сказал я. - Её повело.

- Да мне какая разница? - огрызнулся сторож. - Всё равно не закрывается.

Я подошёл ближе, провёл рукой по коробке.

- Петли просели. И коробку перекосило.

Сторож хмыкнул.

- Умный нашёлся...

- Я столяр, - спокойно сказал я.

Он сразу замолчал.

- Да ну? А с виду сопля соплей. Лет то тебе сколько, столяр?

- Через месяц восемнадцать будет, а я действительно столяр, ПТУ в этом году закончил.

Я присел, посмотрел на нижнюю петлю.

- У вас тут шурупы почти вылезли, гнездо разбило, вот они и не держат. Нужно по новые петли закрепить.

- Я гвоздями уже пробовал, - буркнул сторож. - Всё равно клинит.

- Гвоздями не поможет.

Я огляделся.

- Отвёртка есть?

Сторож кивнул в сторону будки.

- На столе посмотри.

Я зашёл внутрь сторожки. Маленькая комната: стол, табуретка, чайник, радио и куча всякого барахла. Отвёртка действительно лежала на столе. Я вернулся к двери, выкрутил четыре шурупа из верхней петли.

- Подержите.

Сторож послушно взялся за дверь. Я чуть сдвинул петлю вверх, в старом дереве ножом сделал новый паз и закрутил

шурупы обратно.

- Теперь попробуйте.

Он осторожно прикрыл дверь. Та мягко встала в коробку и щёлкнула защёлкой. Сторож даже замер. Открыл. Закрыл.

- Во! - удивлённо сказал он.

Потом посмотрел на меня уже совсем другим взглядом.

- Слушай... а ведь правда столяр.

Он протянул руку.

- Петрович.

- Серёга.

Мы пожали руки.

- Ты чей будешь? - спросил он.

- Гараж деда нашёл сегодня. Вон там, в конце ряда.

Врать Петровичу и включать дурака я не стал, он сторож, знает тут каждую яму на дороге, дыру в заборе, каждый заброшенный гараж. Он быстро выяснит, что дедов гараж кто-то вскрывал. Дальше по инструкции – топает до фабричной проходной, звонит ментам, и они не сразу, всё же гараж, а не квартира, но всё равно приезжают. Или придет участковый. А если я там какое-то время жить собираюсь, он вычислит меня в лет.

- Коричневые ворота?

- Ага.

Петрович кивнул.

- Помню старика. Кузнец был, да?

- Был.

Сторож задумчиво почесал подбородок.

- Хороший мужик был. Тихий.

Потом кивнул на ведро.

- За водой ходил?

- Да.

- Наливай сколько надо. Колонка общая.

Я снова подошёл к трубе, помыл ведро как смог, и накачал полное. Петрович наблюдал.

- Э паря, ты эту воду пить собрался, не для уборки она тебе нужна. Ты чего задумал? С родителями погавкался и решил тут пока отсидеться? - спросил он как бы между делом, поразив меня своими аналитическими способностями.

Я пожал плечами, внутренне напрягшись. Петрович имел наметанный глаз, как опытный опер. Не из бсников ли он случайно? Может мент на пенсии? Они рано на заслуженный отдых выходят...

- Пока не знаю. Может пару дней перекантуюсь.

Он хмыкнул, заметив мое окаменевшее лицо.

- Да не парься, нормально всё. Живи. Тут половина кооператива так живёт.

Я усмехнулся.

- Серьёзно?

- А то. Один с бабой поругался, второй запил и от жены прячется, третий машину чинит третий год... - он махнул рукой. - Гараж - это второй дом.

Я поднял ведро.

- Ладно, Петрович. Спасибо.

- Это тебе спасибо, - сказал он, хлопнув дверь сторожки.

- А то я уже хотел топором её лечить.

Я пошёл обратно между рядами гаражей. Ведро тянуло руку, но внутри было какое-то странное спокойствие. Первый человек в этом времени, с которым я нормально поговорил. И вроде всё прошло... по-человечески.

Глава 5

Я вернулся в гараж, поставил ведро возле стены и сразу сделал несколько жадных глотков из кружки, которую вытащил из сумки. Вода была холодная, железистая, но после сегодняшнего дня показалась почти сладкой.

Жажда отступила, и сразу стало легче. Чтобы немного отвлечься от дурных мыслей, я принялся за уборку. Дышать пылью не хотелось, это и для здоровья вредно, и вообще, я не привык жить как чухан. Разорвав на куски какую-то старую дедовскую футболку, я протер влажной тряпкой всё, что только смог. На это дело ушла большая часть воды, но я не жалел. Воды я ещё принесу, а после уборки в гараже и правда стало легче дышать. Наполнив кружку до краев, оставшуюся в ведре воду я потратил на то, чтобы умыться, сразу почувствовав себя другим человеком.

Закончив, я сел на свою лежанку, вытянул ноги и прислушался. Уже вечерело, я не заметил, как пролетело время. Снаружи жизнь кооператива постепенно затихала. Где-то ещё тарахтел двигатель, кто-то громко разговаривал, хлопали ворота. Но с каждой минутой звуков становилось всё меньше. Вечер медленно опускался на бетонные ряды гаражей.

Через час я снова вышел на дорогу. До ближайшего мага-

зина было километра два, не меньше, но сидеть голодным в первый же день не хотелось. У меня была банка кильки, но я оставил её как НЗ, на самый крайний случай. Деньги у меня кое-какие были - пару смятых рублей, которые я отобрал у родителей. И эти деньги нужно было растянуть на как можно дольше.

Потратив пятьдесят копеек, я купил самое простое. Батон. И литровую бутылку кефира.

Я вернулся уже почти в сумерках. Кооператив к этому времени заметно опустел. Большинство мужиков разъехались, кто на машинах, кто на мотоциклах. Только где-то в дальних рядах ещё горела лампочка и слышались голоса.

В гараже я устроился на верстаке. Батон оказался свежим, мягким. Я ломал его руками и запивал кефиром прямо из бутылки. Получился почти ужин.

- Ну вот... - тихо сказал я сам себе. - Живём.

После еды сразу потянуло в сон. Но лечь я пока не стал. Сел на лежанку, прислонился к стене и стал смотреть на тусклую лампочку под потолком. И тут в голову полезли мысли. Я невольно сжал кулак. Сява. Кирпич. Хомяк. Если всё идёт так же, как было... значит вечером они пошли к ювелиру. К старику Хасану.

- Пошли или нет... - пробормотал я.

Если пошли - значит всё уже произошло. А если нет? Если мои слова всё-таки что-то изменили? Я покрутил в руках пустую бутылку из-под кефира. Нет...

Сява слишком жадный. Хомяк слишком злой. А Кирпич - слишком тупой, чтобы остановить всё это. Пошли.

Мысли становились тяжелыми. Я улёгся в спальный мешок и попытался заснуть, но сон не шёл. Перед глазами всплывали старые картины - двор, лавка, гоп-компания, смех, сигареты, разговоры о «лёгких деньгах». Я перевернулся на бок. В гараже стало темно и тихо. Только где-то вдалеке лаяла собака и иногда проезжала машина по дороге возле фабрики.

И вдруг снаружи послышались шаги. Тяжёлые, неторопливые. Я сел и прислушался. Шаги остановились возле ворот. Моё сырце бешено забилося. Меня нашли! Менты или братва? Как они меня так быстро вычислили?! И как назло тут вход только один, только через калитку, мне не уйти! Схватив с верстака молоток, я вскочил.

В это время калитка скрипнула и внутренности гаража осветились светом фонаря.

- Серёга, не спишь? - негромко сказал знакомый голос.

Петрович.

- Не сплю, - ответил я, с трудом сдерживаясь, чтобы не обложить сторожа трехэтажным матом. Напугал зараза!

Он заглянул внутрь, держа в руке фонарь.

- Ну как, устроился?

- Нормально.

Он осветил вокруг, посмотрел на лежанку, на ведро, на пустую бутылку кефира и на остаток батона. И сразу всё по-

нял. Старик крякнул.

- Мда... богатый ужин.

Я усмехнулся.

- На сегодня хватило.

Петрович помолчал, потом почесал затылок.

- Слушай... ты это... не обижайся только.

Он кивнул на верстак.

- У тебя тут вообще с продуктами никак, да?

- Пока никак.

Сторож ещё пару секунд постоял, потом вздохнул.

- Ладно. Завтра занесу кое-чего. У меня в сторожке картошка есть, банка тушёнки где-то валяется... хлеб принесу.

Я удивлённо посмотрел на него.

- Да не надо...

Он махнул рукой.

- Да брось. Мне не убудет. Тушенку я не ем, изжога потом мучает, а картохи тут завались, у любого из мужиков попрошу, подкинет из запасов, может и из разносолов чего. Я тут вообще ничего не покупаю, за счет мужиков кормлюсь и выпиваю, зарплату почитай и не трачу. Зато и они знают, что гаражи под присмотром. Обоюдовыгодное сотрудничество, во! А ты, смотрю, парень нормальный. Дверь починил, не врёшь...

Петрович уже собирался уходить, но на пороге остановился.

- И это... - сказал он, чуть тише. - Если жить тут дольше

недели собираешься - скажи сразу. Я председателю ничего говорить не буду. Только по ночам особо не шуметь. По малому гадить можешь за гаражами, а по большому только возле сторожки, в сортире. Нечего мне тут территорию минировать. Ну вроде в общих чертах всё.

Я кивнул.

- Спасибо, Петрович.

Он усмехнулся.

- Да не за что. Гараж - дело такое... иногда людям нужнее, чем квартира.

Фонарь качнулся, и его шаги снова зашуршали между гаражами. Черт старый, я чуть не обделался со страху. Хотя мужик вроде хороший, но заставил меня понервничать. Завтра нужно придумать как изнутри запирается хотя бы, если второго выхода тут никак не организовать.

Я лёг обратно в спальный мешок. Теперь в гараже было совсем тихо. Первая ночь в новом времени. Первый день новой жизни. Я закрыл глаза. Завтра всё начнёт меняться.

Как заснул, я даже не заметил. Ночью меня никто не тревожил. Проснулся я от того, что замерз, примерно в шесть утра. Несмотря на то, что днем держалась жара, ночью и ранним утром было прохладно. Спальный мешок я не застегивал, так что во сне он с меня почти сполз.

Я поёжился, подтянул спальный мешок повыше и сел на лежанке. В гараже было сыро и прохладно, бетон за ночь выстыл. Через щели под воротами тянуло утренним воздухом.

Где-то вдалеке уже гудела фабрика - начиналась смена.

Я выбрался из мешка, размял затёкшие плечи и потянулся.

- Ну что, Серый... - тихо сказал я себе. - Подъём.

Ведро у стены было пустое, так что первым делом пришлось снова идти за водой. Утро в кооперативе было совсем другим, чем вечер. Людей почти не было. Только редкие машины выезжали из рядов, хлопали ворота и где-то звенели ключи.

Я дошёл до колонки, наполнил ведро и вернулся обратно. Пока шёл, окончательно проснулся.

Вернувшись в гараж, я умылся, сделал пару глотков воды и сел на верстак. Есть было нечего, так что завтрак пришлось пропустить. Но голод пока терпелся.

- Табуретку что ли смастерить? – В слух подумал я, задумчиво обводя взглядом гараж. – И делом займусь, чтобы отвлечься и нервы себе не трепать...

Сидеть на верстаке было не удобно. Да и потом, на нем я ем всё-таки, а после жопой на него сажусь. Не дело это. А другой мебели в гараже попросту нет, разве что ведро перевернуть, и на нем приземлится, но оно для воды мне нужно.

Недолго думая, я взял дедовский рубанок и принялся стругать одну из досок, найденных вчера в углу. Работа успокаивала. Стружка ложилась ровными лентами, запах свежего дерева наполнил гараж.

Прошёл примерно час. Заготовки для бедующей табурет-

ки потихоньку вырастали небольшой кучей у моих ног. Еще немного, и можно приступать к сборке. Где-то в проходе слышались знакомые шаги и характерное покашливание. Я даже не удивился. Калитка скрипнула.

- Доброе утро, Серёга, - сказал Петрович, заходя внутрь.

В руках у сторожа была сетка-авоська. Он поставил её на верстак и начал выкладывать содержимое. Буханку хлеба. Три варенные картофелины. Банку тушёнки. И даже маленький пакет с солью.

Я молча смотрел на всё это.

- Ну вот, - сказал он. - На пару дней хватит.

- Петрович...

- Не начинай, - перебил он. - Сказал же - не убудет.

Он оглядел гараж.

- А ты, смотрю, не бездельничаешь. Чего затеял?

- Табуретку ваяю – сказал я, вытирая руки – Задницу приземлить некуда. Да и скучно, руки сами ищут работу.

- Это хорошо, - довольно сказал сторож. - Потому что у меня для тебя дело есть.

Я сразу насторожился.

- Какое?

Петрович облокотился о ворота и достал папиросу.

- Тут в соседнем ряду один мужик дачу строит. Решил ворота деревянные сделать. - Он усмехнулся. - Купил доски, петли, инструмент... а толку ноль. Уже третий день возится.

- И?

- И ничего. Я ему вчера сказал - у меня тут столяр объявился.

Я невольно улыбнулся.

- Объявился, значит.

- Ага. - Петрович затыкнулся и продолжил - Мужик нормальный. Просто руками работать не умеет. Бухгалтер он. Если поможешь - четвертак даст.

Я даже перестал строгать.

- Сколько?

- Ну... может чуть меньше. Но всё равно деньги.

Двадцать пять рублей. В голове сразу начали складываться расчёты. На эти деньги можно было жить почти месяц. Я положил рубанок.

- Ворота какие?

- Обычные дачные. Распашные.

- Размер?

- Примерно метр двадцать каждая створка.

- Брус есть?

- Есть.

- Петли?

- Купил, я же говорил тебе.

Я подумал ещё пару секунд.

- Тогда сделаем.

Петрович довольно кивнул.

- Я так и думал.

Он встал.

- Пойдём, познакомлю.

Мы вышли из гаража и пошли между рядами. Утро уже вступало в свои права. В кооперативе начали появляться люди. Где-то тарахтел мотоцикл, хлопали ворота, мужики переговаривались через ряды. Петрович уверенно свернул в соседний проезд.

- Только не пугайся, - сказал он.

- Чего? – я снова напрягся.

- Инструмента его.

- Почему?

- Потому что он его покупал... по принципу «что красивее».

Я хмыкнул. Через минуту мы подошли к открытому гаражу. Внутри стоял худой мужик лет сорока и с тоской смотрел на грудку досок. На полу лежал новенький рубанок... с ножом вставленным лезвием вверх. Молоток. Три разных отвёртки. И ножовка по металлу, со сломанным полотном. Мужик поднял голову.

- О, Петрович...

Сторож кивнул в мою сторону.

- Вот. Знакомься, это Серёга про которого я тебе говорил.

- Столяр?

- Он самый.

Мужик с надеждой посмотрел на меня.

- Слушай парень... а ты правда умеешь ворота делать?

Я оглядел доски, брус, петли... и весь этот бардак. Инстру-

мент конечно придется принести дедовский, жаль конечно, что он только ручной, мужик сгодится в качестве подсобника, ну а так, ничего сложного, за день управлюсь, если ему не нужны будут сложные фасады. Потом спокойно сказал:

- Умею.

Мужик заметно оживился. Представился Володей. Руки у него были чистые, мягкие - сразу видно, что человек больше с бумагами работает, чем с инструментом. Говорил быстро, суетился, всё время оправдывался, что, мол, думал - ничего сложного, «доски же просто сколотить».

Я молча походил по гаражу, осмотрел материалы. Доски были нормальные - сосна, правда сырые местами, но для дачных ворот сойдёт. Брус тоже годился. Петли куплены правильные - тяжёлые, кованные. Значит, хоть тут не ошибся.

А вот инструмент у него действительно был как из анекдота. Я только вздохнул. Пришлось сходить в свой гараж за дедовским инструментом. Вернулся с рубанком, дрелью, двумя стамесками, молотком и нормальной ножовкой. Когда разложил всё это на верстаке, мужик смотрел на инструмент почти с уважением, будто это не сталь и дерево, а какие-то серьёзные станки.

Работу я начал с простого - разметки. Ворота должны были быть распашные, две створки. Я отобрал брус для рамы, проверил на кривизну, где нужно - подровнял рубанком. Потом нарезал стойки и перекладины по размеру.

Володю сразу поставил помогать. Ничего сложного - по-

держат, подать, убраться стружку. Он старался, но двигался неуверенно, как человек, который боится испортить чужую работу.

Раму я собирал на шипах и дополнительно усиливал гвоздями. Для дачи самое то - крепко и без лишней возни. Сначала одну створку, потом вторую.

Когда каркас был готов, дело пошло быстрее. Доски я прогнал рубанком, снял фаски, чтобы ворота смотрелись аккуратно. Потом начал набивать их на раму. Стучал спокойно, размеренно, почти не думая - руки сами делали то, что делали сотни раз.

Работал я почти без остановки, только прервался минут на двадцать, когда Володя предложил перекусить бутербродами и чаем из термоса. Отказываться я не стал, кушать уже хотелось. Поел и дальше за работу. Стружка ложилась под ноги, воздух наполнился запахом свежей сосны.

Постепенно вокруг стали появляться мужики из соседних гаражей. Сначала один заглянул, потом другой. Кто-то стоял молча, кто-то что-то советовал. Петрович тоже пришёл, присел на ящик и наблюдал с довольным видом.

Работа шла быстро. Через пару часов уже можно было понять, какими будут ворота.

Володя всё больше успокаивался. Когда увидел первую готовую створку, даже руками её потрогал, будто проверяя - настоящая ли.

Часам к четырем дня обе створки были собраны. Я вре-

зал петли, подогнал зазоры, проверил диагонали. Потом мы с помощью мужиков подняли ворота и примерили их прямо в проёме гаража, чтобы убедиться, что всё работает как надо.

Открывались они мягко, без перекоса. Мужики, одобрительно закивали. Я ещё немного подровнял кромки рубанком, чтобы створки сходились аккуратно, и на этом работа почти закончилась.

Когда всё было готово, Володя некоторое время просто стоял и смотрел на ворота. Потом засмеялся - облегчённо, по-детски. Для него это была почти стройка века. А для меня - обычный рабочий день.

- Сбрызнуть это дело надо, обмыть! – С видом эксперта заявил Володин сосед по гаражу, толстый мужик, больше всех критиковавший мою работу - Иначе долго не походят, развалюся.

Я только усмехнулся. В гаражах вообще на любую работу был один и тот же народный технологический регламент: сначала долго спорить, потом всем миром делать, а в конце обязательно «обмыть», иначе всё развалится, сгниёт или пойдёт наперекосяк. Будто не руки и голова всё решают, а полстакана водки, пролитой внутрь исполнителей.

Володя, похоже, к такому обряду был морально готов заранее. Суегливо полез в свой шкафчик, покопался там и почти торжественно выставил на верстак две бутылки «Московской», пару гранёных стаканов и банку домашних огурцов. Кто-то тут же притащил ещё хлеб, кто-то луковицу и

сало, Петрович возник словно из воздуха с перочинным ножом и видом человека, который вообще-то мимо проходил, но раз уж такое дело...

Я пить не хотел. Вернее, не так. Хотел-то как раз очень даже. После всего, что было, после прошлой жизни, тюрьмы, двора, отца, всей этой грязи - организм помнил, как быстро можно залить голову чем угодно, лишь бы не думать. Но именно поэтому и не хотел. Слишком хорошо знал, куда ведёт эта дорожка. Особенно теперь. Мне сейчас только начать не хватало.

Отговорился просто - сказал, что с утра толком не ел, на жаре работал, с непривычки может развезти. Мужики приняли это без обид. В гаражах вообще к таким вещам относились проще, чем во дворе. Там если не пьёшь - ты или больной, или стукач. А тут народ взрослый. У каждого своя причина.

Мне налили символически, я только губы смочил. Зато от закуски отказываться не стал. Огурец, хлеб, кусок сала, принесённый кем-то из соседей бутерброд, - после голодного утра всё это зашло так, что я чуть пальцы не прикусил.

Вот тут и началось настоящее знакомство.

Гаражный кооператив, как быстро выяснилось, жил по своим законам. Днём тут чинили машины, строгаги, варили, доставали дефицит, ругались, играли в домино, обсуждали начальство, футбол, цены и жизнь. А к вечеру всё это превращалось в нечто вроде мужского клуба, только без вывес-

ки и членских билетов.

Толстого соседа, который громче всех требовал «обмыть» ворота, звали Мишей. Работал он водителем на хлебозаводе. Был шумный, потный, с вечной масляной кепкой на затылке и привычкой говорить так, будто спорит, даже когда просто здоровается. Машину свою - старый «Москвич» - он, кажется, ремонтировал бесконечно, но больше времени проводил не под капотом, а раздавая советы окружающим. Советы, правда, были не всегда толковые, зато уверенные.

Рядом с ним крутился худой сутулый мужик по имени Аркадий Семёнович, токарь с ремонтно-механического завода. Вот этот уже был из других. Тихий, въедливый, с аккуратными руками и внимательным взглядом. Он почти не говорил, пока я работал, только один раз подошёл, потрогал соединение на шипе, хмыкнул одобрително и отошёл. Такого признания мне хватило больше, чем всей болтовни остальных. Видно было - человек понимает, что такое ремесло.

Ещё там был Гена-электрик. Невысокий, жилистый, с прищуром и вечно чёрными от какой-то копоты пальцами. Работал он в ЖЭКе, обслуживал дома в районе, поэтому знал про всех всё: кто к кому ходит, у кого счётчик скручен, у кого жена гуляет, а у кого зять украл с работы кабель. Разговаривал быстро, ехидно, но беззлобно. Из тех, кто любую новость превращает в байку.

Чуть позже подтянулся Николай Ильич, сварщик с вагоноремонтного депо. Тяжёлый, медлительный мужик с обо-

жжёнными руками и густыми усами. Он в основном молчал, пил, кивал и изредка ронял одну фразу, после которой все остальные замолкали и начинали думать. Таких людей я уважал. Не за слова, а за вес.

Был ещё Валера, молодой слесарь с автобазы, весь какой-то пружинистый, вечно грязный, но весёлый. Он то смеялся, то куда-то бежал, то снова появлялся, будто у него внутри вместо крови был бензин. На меня он сразу уставился с интересом - видно, почуял во мне человека не из их привычного круга, но пока молчал, присматривался.

Петрович среди них держался особняком, но чувствовалось, что свой. Не главный, но из тех, кого слушают. Сторож в кооперативе был не просто ночной дед с ключами. Он тут был чем-то вроде диспетчера, мирового судьи, завхоза и местной газеты одновременно. Кто с кем поссорился, у кого что пропало, кому нужен домкрат, а кому врач - всё шло через него.

Меня сперва расспрашивали осторожно. Без лишнего нажима, но с интересом. Кто такой, откуда, какой гараж, чем занимался. Врать приходилось на ходу, но аккуратно. Сказал, что гараж дедовский, сам после учёбы и работы по столярке, сейчас с семьёй не лажу, вот и перебиваюсь пока как выйдет. Формально и почти без подробностей. Мужики понимающе переглянулись. Влезать в чужие семейные дела они не любили. У каждого своего добра было по горло.

Зато то, как я сделал ворота, сказало за меня куда больше

любых слов.

После первой рюмки разговор пошёл уже свободнее. Миша с хлебозавода тут же заявил, что мне бы в кооперативе цены не было, если я ещё и по машинам что-то понимаю. Гена-электрик подхватил, что если не по машинам, то столлярка тут тоже всегда нужна: у одного полки вот вот рухнут, у другого лестницы нет, третьему ящик под инструмент нужен, у четвёртого в гараже настил сгнил. Аркадий Семёнович просто кивнул и сказал, что «руки у парня поставлены». Это, пожалуй, была самая дорогая похвала за весь день.

Я сидел, жевал хлеб с огурцом и слушал их, стараясь не лезть вперёд. И вдруг поймал себя на странном ощущении. Меня здесь не гнали. Не щемили, не проверяли на слабо, не пытались сразу согнуть или использовать. Наоборот - приглядывались, прикидывали, можно ли иметь со мной дело. И, похоже, уже решили, что можно.

Для дворовой жизни это было непривычно. Там всё всегда начиналось с силы, наглости и страха. Здесь - с работы. И это мне нравилось.

Посиделки затянулись недолго. Мужики были взрослые, многим ещё домой, к жёнам и детям. Да и не тот это был случай, чтобы устраивать пьянку до ночи. Выпили за ворота, за знакомство, за «золотые руки», как выразился Миша, после чего компания начала понемногу рассасываться.

Володя расплатился честно - четвертак, как и обещали. Двадцать пять рублей. Бумажки были мятые, тёплые от кар-

мана, но для меня они были сейчас чуть ли не дороже зарплаты министра. Я аккуратно убрал деньги во внутренний карман и застегнул его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.